

БОЕВАЯ ФАНТАСТИКА
Ю. КОРЧЕВСКОГО

ЮРИЙ
КОРЧЕВСКИЙ

ЗАЛП!

ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

МОСКВА
2015

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Соловьева*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Залп! Пушечный наряд / Юрий Корчевский. —
Москва : Издательство «Э» : Яуза, 2015. — 352 с. —
(Боевая фантастика Ю. Корчевского).

ISBN 978-5-699-84466-1

Скорострельный фантастический боевик от автора бестселлеров «Пли! Пушкарь из будущего» и «Огонь! Бомбардир из будущего». Наш человек на службе Петра Великого. Новые приключения канонира из нашего времени, заброшенного в далекое прошлое.

Он ускользнет от наемных убийц, подосланных французским королем.

Он подорвет корсарский корабль, посмеивший напасть на русское судно.

Он добудет пиратский клад Карибского моря, не только расстреляв французскую эскадру, но и разгромив ураганым артиллерийским огнем вражеский форт.

Орудиям правого борта!

Наводи!

Целься!

ЗАЛП!!!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84466-1

© Корчевский Ю.Г., 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Э», 2015

ГЛАВА 1

Три недели я как проклятый изучал разговорный итальянский, понимая, что без языка не будет работы. Даже думать я заставлял себя на итальянском. Сначала было чрезвычайно тяжело, затем полегче. Со слугами в доме я старался говорить только по-итальянски, лишь иногда вставляя английское словечко и требуя его перевода. Конечно, за такой срок я не стал говорить хорошо, понимал уже все, но говорил с угадываемым чужеземным акцентом, приблизительно как кавказец, приехавший с юга торговать на Дорогомиловском рынке в Москве. Пока Винченцо не уехал по своим делам — а все корабельные походы длятся долго, я попросил его ввести меня в круг купцов, рекламируя как знаменитого врача.

— Не врача, — поправил Винченцо. — В Европе давно, уже лет сто, когда говорят про хирурга — то это те, кто оперирует, а врач лечит мазями, пилюлями, сушеными тараканами и прочим. Так как тебя представлять?

— Тогда хирургом. Я думаю, что врачей в Венеции полно, хирургов мало, а моего уровня нет и вовсе.

— Договорились. И еще — повесь красочную вывеску, чтобы каждый, кто умеет читать, а это в основном люди дворянских фамилий или богатые, проезжая мимо твоего дома, запоминали, что здесь живет хирург. Когда понадобится — сразу вспомнят.

И верно, из моего века я помнил, что реклама — двигатель торговли. Начал спрашивать слуг — где мне найти художника, нарисовать вывеску. С трудом, через знакомых, меня познакомили с живописцем. Жил он в подвале, жил бедновато, судя по обстановке. Сам был одет живописно, но одежда явно просила замены. Я представился:

— Кожин, хирург, пришел просить вас нарисовать мне вывеску.

— Рембрандт Харменс ван Рейн, свободный живописец из Голландии.

Я осмелел. Передо мной стоял один из величайших художников Средневековья, его картины выставлялись в лучших и знатнейших музеях и галереях мира; картины, изредка попадавшие на аукционы Кристи, стоили миллионы — жил в подвале, жил в нищете. Как несправедлива жизнь!

— Так чего вы хотели?

— Написать вывеску, любезный.

Я рассказал, что должно быть изображено на вывеске, какая надпись.

— Да, понятно, синьор. К завтрашнему вечеру будет готово, и я сам принесу ее к вам. Скажите адрес. — Я назвал адрес. Художник помялся: — Вывеска будет стоить один эскудо, деньги я хочу получить авансом. Надо купить краску.

В углу я заметил холст, накрытый тряпкой.

ЗАЛП! ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

— А что там?

— Там две мои картины, одна уже закончена, вторая пока в работе.

— Можно посмотреть?

Художник откинул тряпицу. В темном подвале как будто засияло солнце. Это была одна из самых знаменитых картин художника — «Портрет Титуса», в типичных для Рембрандта золотисто-красных тонах.

Рядом стоял незаконченный натюрморт.

— Сколько стоит портрет?

— Зачем он вам, синьор? Мне его заказали, но не выкупили, теперь вот пылится в мастерской. Натюрморты еще как-то покупают, вот и пишу. А вы и вправду желаете купить? Я недорого отдам эту картину — всего три золотых дуката.

Я развязал кошелек, отсчитал пять золотых монет — три за портрет, два авансом за натюрморт.

— Устроит?

— Да, синьор. — Художник заулыбался. — Теперь я смогу рассчитаться с долгами и вернуться на родину, в Голландию.

Мы скрепили сделку рукопожатием; я снял портрет, сунул его под мышку. Рембрандт семенил рядом.

— Я знаю одного хорошего краснодеревщика, он делает хорошие рамы, не прислать ли его синьору?

Хм, ждать предложения. Я вышел на улицу, взглянул на портрет при солнечном свете — и подпись Рембрандта на месте. Художник клятвенно заверил, что, как только закончит натюрморт, сам доставит его по известному ему уже адресу.

Придя домой, достал бутылку вина, налил в стаканчик и стал любоваться приобретением. Очень, очень ценное приобретение, великолепная картина.

Да это просто редкая удача — купить картину великого голландца. Ходят богатые снобы и не знают, мимо чего прошли. Повезло, несказанно повезло! Я допил бутылку, аккуратно пристроил портрет на стене. Теперь, просыпаясь, я буду первым делом видеть шедевр.

Сказать Винченцо, что ли? Оценит ли? Это не купил — перевез — продал. Быстрого обогащения не получится. Искусство не всегда сиюмоментно, иногда величие гения способны оценить только потомки, иногда — далекие.

Ни завтра к вечеру, ни послезавтра вывески не было. Подождав еще день, пошел в мастерскую к художнику сам. Незаконченный натюрморт так и стоял в углу, вывески в ближайших углах не наблюдалось тоже. Художник, не обращая внимания на мой приход, сосредоточенно писал на холсте.

— Стойте так! Чуть левее голову.

Постояв так с полчаса, я подошел к художнику. Ешкин кот! На холсте был я собственной персоной. Лицо — точная копия, одежда, правда, не моя — богаче, с жабо и синим камзолом. Художник меня явно приукрасил. Фона пока не было. Но за этим дело, я думаю, не станет.

— Вот! — Художник гордо посмотрел на меня. — Скоро портрет будет готов. Еще пара дней, и готово.

— Господин Рембрандт, я заказывал вывеску!

ЗАЛП! ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

— Да что вывеска, успеем, давно не встречал такую фактуру, как я мог не написать? Синьор, наберитесь терпения.

Ну что с ним поделаешь? С великими не поспоришь. Подождем, тем более у меня никогда не было портрета, а уж кисти известного художника — и подавно. «Ладно, — идя домой, размышляя я. — Пусть будет портрет, а вывеска — ну, днем раньше, днем позже».

Работа над картиной затянулась на пару месяцев. Хорошо, что я понял, что вывески мне от Рембрандта не видать, и подстраховался у другого художника, порекомендованного местным аптекарем. Тот не заморачивался, что сказано — то и сделал, точно в срок.

Винченцо сдержал слово — вывел меня в свет. На состоявшуюся вечеринку захватил и меня. Купцы порешили свои торговые дела и приступили к делу более приятному — танцам, вину. В зале на балкончике играл небольшой оркестр, синьоры приглашали синьорит. Я не танцевал, присматривался, как это делали другие. Мой приятель Винченцо не пропускал ни одного танца и подошел ко мне раскрасневшийся:

— Чего стоишь, не танцуешь?

— Не умею танцевать ваши танцы. Пока посмотрю.

— Присматривайся, но не очень долго, посмотри, какие дамы, и, по-моему, некоторых ты не оставил равнодушными.

Конечно, почти все итальянцы брюнеты, да и мелковаты телосложением. Не заметить блондина ростом метр восемьдесят было трудновато. Одет

я был по итальянской моде, выбрит, в отличие от русских купцов или мастеровых. До Петра на Руси чужеземцев и узнавали по выбритому лицу. Иногда я замечал на себе любопытные женские взгляды.

К одной из женщин, что сидела за столиком, я подошел сам, вежливо поклонился, спросил разрешения присесть. И подошел не из-за мужских желаний, а просто увидел на руке липому. Дама искусно прикрывала липому то веером, то другой рукой, но глаза врача не обманешь.

— Синьорита, прошу меня извинить, я могу помочь вам избавиться от этой штуковины, — я указал на липому.

Дама покраснела и убрала руку со стола:

— Нет-нет, со мной все в порядке.

Ну что же, зачем быть нахальным, было бы предложено. Однако через пару дней дамочка заявила ко мне, хотя адреса я не давал. Смущаясь и краснея, она поздоровалась и попросила извинить ее за легкомысленный отказ. Так-то лучше.

После осмотра я предложил вырезать липому, прямо сейчас. Дама что-то лепетала о том, что она боится, но я пообещал постараться сделать не больно, предложил для храбрости стакан вина, предварительно накапав туда настойки опия. Когда прошло полчаса, достаточных для действия лекарства, я сделал небольшой разрез, вылутил липому из ложа, аккуратно зашил рану конским волосом, забинтовал.

Я не зря бегал в Москве учиться к пластическим хирургам. Такой шовчик после заживления будет почти незаметным. Наказав даме завтра и несколько последующих дней ходить на перевяз-

ЗАП! ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

ки и не мочить повязку, я проводил ее до выхода, где ждала коляска.

Несколько дней дама аккуратно посещала меня для перевязок. Через неделю я снял швы. Шовчик был просто загляденье — аккуратный, пока красный, но я пообещал даме, что через пару месяцев он станет незаметным.

Дама расплатилась, бурно проявила свой итальянский темперамент водопадом комплиментов. Первый пациент есть! Начало в Венеции положено. Через несколько дней появился второй — торговец кожами с сильным порезом руки — соскочил нож, он вспомнил меня по вывеске. Потихоньку я набирал пациентов. Но работа была невелика по объему и довольно рутинная. Однажды я гулял по центру города, впереди остановилась коляска; поддерживаемая слугой, из нее вышла молодая синьора. Лицо ее было бы красиво, если бы его не портил нос — довольно некрасивый, да еще и с бородавкой на кончике. Я стал мысленно прикидывать ход операции, когда меня толкнул слуга:

— Чего пялишься на госпожу? Хочешь неприятностей от дожа?

— При чем здесь дож?

— Невежа, это одна из дочерей дожа!

Ах вот оно что! Стоило крепко подумать, прежде чем предлагать свои услуги.

В случае удачи это понятно, но в противном случае галеры будут еще не самым тяжким наказанием. Я решил рискнуть. Дождавшись, когда синьорита выйдет из магазина, я приблизился, вежливо поклонился, взмахнув шляпой:

— Осмелюсь побеспокоить Ваше Высочество: я хирург и могу попробовать исправить ваш нос.

— Кто вы такой? Я вас не знаю.

Я еще раз взмахнул шляпой:

— Кожин, Юрий Кожин, хирург из Московии.

— Не слышала о таком, оставь адрес моему слуге, я подумаю.

Поклонившись, я отошел. Слуга толкнул локтем и прошипел:

— Ты хорошо подумал, деревенщина?

Через день к моему дому подкатил экипаж. Слуги проводили ко мне знатного господина. Во взгляде и поведении чувствовалась власть, привычка повелевать. Одет во все черное, на шее массивная золотая цепь, пальцы унизаны перстнями.

— Я управляющий дворцом дожа, любимая дочь властителя сказала отцу, что на улице к ней подошел хирург и предложил свои услуги. Правда ли это?

— Правда, я не отказываюсь от своих слов.

— Знаешь ли ты, что дож приглашал лучших медиков еще несколько лет назад, даже привозил из Франции и Англии, никто даже не взялся.

— Не знаю, но я берусь.

— Тебя одолела гордыня! Как ты можешь обещать несчастной девочке то, за что не взялись самые знаменитые медики?

— В конце концов, хуже, чем есть, не будет, а я рискую многим.

— Нет, не многим, ты просто рискуешь своей головой. После услышанного ты все-таки хочешь рискнуть?

ЗАЛП! ПУШЕЧНЫЙ НАРЯД

— Я не переменял своего решения.

— Хорошо, я передам твои слова дожу. Кто может засвидетельствовать твоё мастерство?

Я перечислил несколько человек, в первую очередь Винченцо.

— Да, я знаю синьора Винченцо, это достойный человек.

Прошло два дня. Ближе к вечеру к дому подъехала карета, и уже знакомый управляющий дворцом дожа Джузеппе Витарди вошел в дом.

— Вас приглашает к себе дож. Пожалуйста, оденьтесь поприличней, и прошу в карету.

Он окинул скептическим взглядом мое жилище и вышел. Быстро, по-армейски, я переоделся в свое лучшее платье — выбор-то был невелик — и сел в карету. Ехали недолго, буквально несколько минут, въехали во двор, но не с парадного входа. Джузеппе долго вел меня по запутанным коридорам. Наконец мы зашли в небольшой зал.

Очень, очень богатый. По стенам висели картины — в основном портреты предков дожа. Шитые золотом тяжелые шторы прикрывали окна, создавая в зале полумрак. Потолок расписан фресками на библейские темы. Мраморный пол укрыт толстенным, явно мусульманской работы, ковром. У дальней стены за столом из палисандра сидел уже пожилой, сухощавый и почти седой дож. Внимательный взгляд карих глаз тщательно осмотрел меня, я склонился в поклоне.

— Ты дерзкий человек, хирург. Мне сказали, что ты из Московии. Это правда?

— Да, Ваше Величество.

— У тебя была такая обширная практика, что ты готов взяться исправить ошибку природы у моей любимой дочери?

— Да, Ваше Величество.

— Я рискую лицом дочери, ты в случае неуспеха рискуешь всем. Ты это понимаешь?

— Да, Ваше Величество, я ставлю ее нос против своей головы.

Дождь склонил голову в раздумье, затем дернул за шнурок звонка. В зал зашла дочь.

— Посмотри еще раз. Может, ты переменишь свое мнение?

Я приблизился и впился взглядом в лицо.

Так, сделаю разрез так и так, бородавку уберу вместе с небольшим лоскутом кожи, кости носа придется сломать и создать новую форму. Сложно, но вполне вероятно.

— Да, Ваше величество, я берусь, но с одним условием.

— Ты очень дерзок, чужеземец: ставить условия дождю — это верх наглости.

— Я исправлю нос, но до тех пор, пока он не заживет, вы не сможете увидеть свою дочь: она будет находиться в моем доме.

Дождь подумал, кивнул:

— Ну тогда и у меня будет условие — пока дочь не выздоровеет, ты не выйдешь из дома, у дверей будет охрана, пищу и питье вам будут привозить из дворца, никто не должен знать или видеть дочь.

Я поклонился:

— Согласен, когда приступаем?

Тут вмешалась дочь:

— Завтра, я хочу быстрее!

Решили начать завтра. Провожая меня, Джузеппе бросил:

— Твой итальянский ужасен, чужеземец, благодарю дожа, что он очень любит свою младшую дочь, иначе он тебя бы не слушал. Немногие из венецианцев могут лицезреть дожа, ты же удостоился аудиенции.

На следующий день в неприметной карете привезли пациентку. Зайдя внутрь, у дверей стали два стража с длинными мечами у пояса и мушкетами на плече. Мои слуги со страхом смотрели на них. Джузеппе пояснил:

— Ваши слуги могут беспрепятственно заходить и выходить. Вас же, синьор, не выпустят ни под каким предлогом, а чужих не пустят в дом. Сменять вовремя стражей, кормить их — моя прямая забота, у вас же должна болеть голова только об одном — о прекрасной Джульетте.

Хм, Джульетта. Это навевало определенные ассоциации с трагедиями Шекспира, да и страсти, похоже, начнут разгораться нешуточные.

Я еще раз осмотрел Джульетту, как мог, успокоил девушку, при этом категорически потребовал выполнять все мои требования и до моего разрешения не смотреться в зеркало.

— А как же я буду расчесываться?

— На ощупь, милая синьорита, а впрочем, несколько дней вам будет не до расчески.

Я еще раз проверил инструменты, материалы. Случись, чего-то не хватит, — ассистентов нет. Положил перед собой листок бумаги, где заранее наметил линии разрезов, налил Джульетте стакан вина с опиумом. Когда увидел, что опиум уже начал действо-